Литературная карта

Казахстан

О переводе романа-эпопеи «Путь Абая» на русский язык

Из переписки М. Ауэзова с Л. Соболевым

DOI: 10.31425/0042-8795-2018-4-319-335

Диар Аскарович Кунаев

кандидат филологических наук

Научно-культурный центр «Дом Ауэзова» Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова

(A10C5D8, респ. Казахстан, г. Алматы, ул. Курмангазы, д. 29; email: domauezov@mail.ru)

Аннотация. В статье освещается переписка М. Ауэзова и Л. Соболева по вопросам, связанным с художественным переводом на русский язык романа-эпопеи «Путь Абая» — главного произведения классика казахской литературы М. Ауэзова. Ряд писем обнаружен автором статьи и публикуется впервые.

Ключевые слова: М. Ауэзов, Л. Соболев, Вс. Рождественский, П. Лукницкий, «Путь Абая», художественный перевод, биография, эпистолярное наследие.

Статья поступила 06.10.2017.

Большая дружба связывала Мухтара Омархановича Ауэзова со многими выдающимися представителями русской литературы. Среди литераторов, с которыми он был тесно связан, можно назвать А. Фадеева, К. Симонова, Н. Тихонова, Н. Погодина, Вс. Иванова, Л. Соболева, И. Андроникова, И. Сельвинского, А. Суркова, З. Кедрину, К. Зелинского и других.

Истоки творческого содружества М. Ауэзова с представителями русской литературы восходят к середине 1930-х годов, когда после Первого съезда советских писателей по инициативе М. Горького в Казахстан, как и в другие союзные республики, выехали группы писателей Москвы и Ленинграда.

Среди них были ленинградцы Леонид Соболев, Павел Лукницкий, Всеволод Рождественский и другие. Весной 1936 года Ауэзов сопровождал их в длительной поездке по Казахстану.

Так, в письме Лукницкого к Ауэзову от 4 октября 1935 года говорится:

Соболев, Берзин, Рождественский и я твердо решили ехать в Казахстан в 1936 году, чтобы поработать там целое лето. Мы разбредемся по целым районам, будем изучать определенные объекты и хотим сделать все зависящее от нас, чтобы наилучшим образом отплатить за дружбу и чудесное гостеприимство всех, с кем мы проводили лето этого года.

Сейчас, отсюда, из Ленинграда, Казахстан кажется нам еще более интересной и привлекательной страной, чем казался он нам в самом Казахстане. А, как ты сам мог заметить, у нас и там был повышенный интерес к твоей родине [Рукописный... П. 504].

Ленинград с его богатейшими литературными традициями пополнил не только интеллектуальный багаж Мухтара Ауэзова, но и способствовал становлению его как личности.

Писатель всегда, когда речь заходила о Ленинграде, с благодарностью и любовью говорил об этом городе, ставшем важной вехой в его судьбе. Ленинградский поэт Всеволод Рождественский, посетивший Казахстан в 1930-е годы,

вспоминал: «...с М. Ауэзовым мы вели долгие беседы, в которых столько интересного для меня было рассказано о Казахстане и где почти всегда слышал я теплое слово о моем родном городе на Неве» [Рождественский 1972: 28].

Вот как вспоминает в письме к дочери Л. Ауэзовой о Всеволоде Рождественском супруга писателя Валентина Николаевна Ауэзова:

Первый раз он приехал в Казахстан в 1936 году, когда после 1 съезда писателей были направлены в союзные республики бригады писателей Москвы и Ленинграда. Так вот и Рождественский входил в состав такой бригады, где были Соболев и Лукницкий. Очевидно, члены бригады были разбиты на группы, которые разъехались по разным областям Казахстана. Где был Рождественский, не знаю, кажется, в Южном Казахстане.

Папа в то лето совершил поездку в Восточный Казахстан с Соболевым и Лукницким, были на Риддере (теперь Лениногорск), других рудниках, на озере Зайсан, а потом Соболев гостил у нас на даче <...> дружеские связи с Рождественским поддерживались до конца войны [Рукописный... П. 600].

Творческое содружество русских писателей с Ауэзовым, сложившееся в середине 1930-х, было одним из ярких проявлений духовной связи деятелей русской культуры с Казахстаном.

Л. Соболев в статье «Духовный брат Абая» вспоминает:

Поездка по Казахстану привязала меня на долгие годы к удивительной этой стране настолько, что внимательный читатель во многих моих флотских рассказах найдет Казахстан. Это естественно: Казахстан стал для меня одним из важнейших стимулов, определивших мое общественное сознание. Этому усовершенствованию моего мышления весьма помог мой умный и философичный друг Мухтар Ауэзов [Соболев 1972: 20—21].

Также о сильных впечатлениях от поездки в Казахстан Соболев рассказывает в найденном нами письме к Ауэзову от 4 октября 1935 года:

Милый мой Мухтар-ага!

Опять я в Москве. Уезжал только на четыре дня — успел в Ленинграде сделать самое радостное для меня «мероприятие» из всех моих дел по Казахстану, — это встречу с рабочими Сталинского завода. Ты, верно, читал об этом, — послана корреспонденция в «Казахстанскую правду». Понимаешь, я добивался этого почти месяц, — завод все отлынивал (как я узнал потом, они просто опасались пустить меня к вопросам ульбинских турбин, т. к. на совесть затянули эту работу и боялись, что, войдя в курс дела, я громыхну фельетоном в «Правде», что, конечно, не входило в расчеты завода).

Так или иначе, после настойчивого моего требования встреча эта все же состоялась и превзошла, прямо сказать, все мои ожидания. Я думал, — ну, создастся после моего рассказа об Ульбе и Риддере бригада друзей из Казахстана на заводе, которая начнет лучше работать.

Но вышло совсем здорово. Давлением рабочих заводоуправление (которое перенесло запуск турбин на второй квартал 1936) вынуждено было согласиться переставить в плане ульбинские турбины на первый квартал. Это значит, что Ульба получит турбины на три месяца раньше! Есть от чего быть хорошему настроению, правда?

Сборник меня совсем замучил. Просидел я с ним в Москве больше месяца. Попутно взялся сделать номер журнала «СССР на стройке», посвященный Казахстану, — т. е. написал либретто номера, организовал фотографии, подчиняя их основной идее номера, и пишу сейчас текст.

Эта работа интересная, и, главное, она даст для Казахстана больше, чем парадный альбом: журнал выходит на русском, английском, немецком и французском языках. Я поставил условием своей работы еще и перевод на казахский язык, чтобы потом разослать журнал (с превосходными фотографиями) в колхозы и совхозы, на рудники и на заводы Казахстана.

К юбилею, к сожалению, номер не поспеет, — но ведь не в этом дело. Дело во всяком и всяческом распространении материала о Казахстане. (Кстати, на сталинском заводе ко мне потом подходили люди и спрашивали, как в Казахстане с малярией, мы, мол, охотно поехали бы туда работать...)

Готовим еще номер «Огонька», 10-го выйдет номер «Резца», целиком посвященный Казахстану.

Берзин¹ и Лукницкий собираются всерьез ехать на все будущее лето в Казахстан. Берзин пишет книгу рассказов о Казахстане и вводит казахстанскую тематику в свой роман, по крайней мере наполовину.

Лукницкий зимой закончит «Хлопок» (таджикистанский) и летом будет у вас писать книгу рассказов о Казахстане. Гитович, по-моему, отпал: он сейчас в Ташкенте, возится с Мелькумовым. Рождественский всерьез работает над переводами. Чуковский надежд не подает: и мало видел, и был болен, и чемодан сперли на обратном пути, — предпосылки, не располагающие к работе на казахстанскую тематику.

Таким образом, все же из нашей бригады дельных людей осталось четверо, — процент неплохой, если вспомнить обычный распад бригад. Кроме того, удалось заинтересовать и договориться о дальнейшей работе по переводу стихов и материалов для антологии еще Фромана, Спасского, Бартева.

Учитывая, что сейчас будет сборник и достаточное количество журналов, мы решили, чтоб не втирать очков, наш собственный ленинградский сборник о Казахстане (нашей бригады) сдать в печать в мае 1936 г.

В Правлении Союза удалось выбить 50 000 (а может быть, и все 70 000) вам на дом отдыха и достать машину из отгрузки четвертого квартала.

Вот вкратце то, что удалось сделать за это время. Пытался я еще войти в связь с кино (хронику на Казахстанском материале), но, как известно, там сволочи.

Ну, хватит о делах, поговорим о жизни. Ты пишешь, что был «молчалив и неактивен» во время нашей поездки. Действительно, единственный разговор по душам начался у нас с тобой, помнишь, на площади у Дома правительства вечером перед моим отъездом. Надеюсь, взаимно это наверстаем. Есть у меня мысль — после торжеств проехать в Пахта-арал, — может быть, собрались вместе бы — дней на 10?..

 $^{^1}$ Юлий Соломонович Берзин (1904—1942) — ленинградский писатель. Окончил юридический факультет Ленинградского университета. Первый его роман «Форд» вышел в 1927 году. Член Союза писателей СССР. В 1938-м был арестован в Ленинграде по обвинению в участии в антисоветской право-троцкисткой организации, в 1942 году расстрелян. — \mathcal{J} . K.

Рад буду увидеть твою новую пьесу, но с обязательным условием, чтобы ты дал сперва прочесть ее по-русски. Пьесу о 16-м годе приготовь к моему приезду в обыкновенном подстрочнике — без всякого облитературенного кастрирования, я с удовольствием за нее возьмусь и имею предварительное согласие и заинтересованность Ольги Ивановны (супруга Л. Соболева. — Д. К.), — может, чего у нас и выйдет!

Пора кончать письмо, — будет много работы, а вечер уже подходит к концу. Этот месяц работы над сборником порядком меня утомил. Но я очень благодарен Казахстану, потому что я снова начал работать всерьез, — и даже (между нами говоря) испытал настоящее удовлетворение в работе над очерком о Риддере и об Ульбе: пожалуй, со времени окончания работы над первым томом КР (роман «Капитальный ремонт». — Д. К.) мне ни разу не работалось так хорошо и так полно, — по ощущению, что сделано почти все, что я мог сделать. А ты знаешь, вероятно, по себе, какое это хорошее чувство, — чувствовать, что мыслишь в полный размах, что находишь слова, какие единственно нужны. Это чувство лучше и ценнее признания, славы, успеха и прочего, с чем связывается обычно хорошая работа.

Вообще Казахстан разбудил меня. Я очень долго спал. Теперь живу — жадно и счастливо. Как же не полюбить эту страну и вас — ее людей?

Надо мной уж смеются, что я меняю подданство, принимаю ислам и называюсь Лене Соболипбаев.

Ну, привет, Мухтарушка! Жму твою широкую руку и надеюсь скоро увидеться. Поцелуй Лелюсю² и скажи, что наоборот — Казахстан отучил меня пускать мыльные пузыри и заставил заняться настоящим делом. Впрочем, эту символику она примет всерьез. Лучше скажи, что пускаю и вспоминаю при этом ее.

Привет Валентине Николаевне и Мугаш³.

 $^{^2}$ Лейла Мухтаровна Ауэзова (1929—1993), дочь М. Ауэзова. — Д. К. 3 Мугалима Мухтаровна Ауэзова (1918—2009), старшая дочь М. Ауэзова. — Д. К.

Ольга Ивановна уснула, а то бы она приписала. Передаю привет от нее заочно, думаю, что не ошибаюсь в ее заочном, но искреннем расположении к вам.

Леонид [*Рукописный*... П. 600]

После этого тесного знакомства творческие отношения писателей перешли в новое качественное состояние. Соболев хотел перевести на русский язык ряд известных ранних рассказов Ауэзова, в том числе рассказ «Коксерек» («Серый лютый»). Но, получив «литературно обработанный» текст подстрочника этих произведений, остался крайне неудовлетворен.

В письме к Ауэзову от 28 августа 1935 года он писал:

Милый мой Мухтар-ага!

Закончил наконец работу над твоим рассказом — и нахожусь в состоянии растерянности: все мне кажется, что рассказ твой я совсем испортил.

Виноват в этом отчасти и ты сам. Была допущена непоправимая ошибка, — зачем ты (или Союз) выслал мне «литературно обработанный перевод». Он так заглажен, так примазан, что сквозь его зачищенные и протокольные фразы невозможно разглядеть, что было написано тобой.

И получилось в моей обработке так, что стиль пропал вовсе. Работая, я совершенно не ощущал, как ты сказал эту фразу, а понимал только, что ты ею сказал. Отсюда — страшно русифицированный текст.

Я понял это только тогда, когда, почти кончив рассказ, начал редактировать обработку Барлиевым рассказа Майлина. Подстрочник открыл мне, что можно было сделать с твоим рассказом, имей я такой же подстрочник. Какие возможности! Как было бы замечательно — смотреть сквозь разбитый, корявый и порой не совсем понятный текст подстрочника на те образы, которые заключены в подлиннике, — и восстанавливать их в новой — русской — форме!

В «лит. обработке» они кастрированы, они лишены их собственного, им лишь присущего аромата.

Представь себе, что мне бы пришлось перекладывать бетховенскую симфонию для рояля в две руки. И представь, что в качестве оригинала мне дали бы не партитуру со всем ее богатством звучания инструментов, а готовое переложение, скажем, для рояля в четыре руки... Как бы мог я угадать подлинное звучание симфонии, если бы я слышал ее только в рояле, пусть и в четыре руки?

То же произошло и здесь. Волей-неволей идешь на поводу за русским текстом, углубляя его ошибки, — и вероятно, как непохоже сделанное мной на твой подлинник!

От этого мне очень грустно и обидно, а главное — стыдно перед тобой и твоим доверием. Прочтешь и поймешь это.

Со сборником — не работа, а «цельный кошмар». Подстрочники присылались так туго и так поздно, горячка была и идет такая, что это несомненно отзовется на качестве. Суди сам: 5 печ. листов Сейфуллина прислали только 21 августа, за 9 дней до сдачи в набор. Пять листов и девять дней! Ну и вот: четыре человека, взяв по листу, делают сейчас из Сейфуллина винегрет. Думать о нем страшно!

Сегодня с удивлением и неверием обнаружил, что в основном сборник сделан: ночью кончил последнюю редактуру — и 15 листов сдаем в набор. Остались пустяки: упомянутый винегрет из Сейфуллина и четырех обработчиков, мой рассказ (или статья), который я должен испечь как блин за эти три дня, и статья... По-моему, я начинаю седеть...

...Шаповалова сказала мне, что здесь в Москве есть твой рассказ о волке. Что бы ты его прислал мне? Я бы с удовольствием поработал над ним для ребят. Подумай, кстати, я бы реабилитировал себя перед тобой, — только, умоляю, — без промежуточной «литобработки»!

Как твоя пьеса? Так ты ее и не выслал. Если готова — гони и русскую редакцию, и опять-таки подстрочник... [*Рукописный*... П. 600]

В конце письма речь идет о пьесе Ауэзова об Абае. Автор хотел, чтобы она была поставлена и на русском языке, поэтому он обратился к Соболеву за помощью при создании русского варианта пьесы.

Плодом творческой дружбы Ауэзова и Соболева явилась трагедия «Абай», написанная ими в соавторстве.

Премьера спектакля состоялась 30 октября 1940 года в Казахском театре драмы в Алматы. Спектакль был поставлен талантливым режиссером А. Токпановым, художниками были С. Ходжиков и Э. Чарномский.

Существует документ от 18 октября 1940 года о том, что пьеса принята Казахским реперткомом и разрешено ее поставить в Казахском театре драмы:

Просмотрено.

Замечания, сделанные при просмотре:

- 1. Отшлифовать образ Жиренше таким образом, чтобы бий не получился таким же, как Караменде в пьесе «Енлик-Кебек». Бий должен быть хитрым, умным и сильным противником Абая.
- 2. Предложить театру до 2-го ноября с. г. заменить исполнителей ролей жены Абая, а также Азимхана и Долгополова.
- 3. Примечание: Спектакль «Абай» с исправлениями замечаний, указанных в первом пункте, разрешить к постановке с 19 октября с. г. по 5 ноября, с 6-го ноября разрешить только при выполнении замечаний, указанных в пункте 2 [Постановление... 1940: л. 42].

Эта пьеса писалась в несколько этапов, и работа над ней завершилась в Доме творчества в Переделкине под Москвой, где Ауэзов провел осень 1939 года.

Текст пьесы был полностью написан Ауэзовым по заранее обсужденному, разработанному двумя авторами плану, фактически представлявшему собой либретто пьесы. В ходе работы возникали споры, некоторые предложения Соболева Ауэзов решительно отвергал, если они противоречили исторической правде воссоздаваемой ими эпохи. Так, Соболев настаивал на введении в пьесу образа

Так, Соболев настаивал на введении в пьесу образа Жамбыла⁴, его контактов с Абаем, что вызывало категорический протест Ауэзова. Он считал, что при воссоздании жизненного пути исторической личности нельзя искажать хорошо известные биографические факты. Изобра-

⁴ Имеется в виду казахский поэт Жамбыл Жабаев (1846—1945).

жение же встречи этих двух поэтов шло бы вразрез с исторической достоверностью.

Соболев по подстрочнику Ауэзова (который и сам активно участвовал в работе над текстом) создал русский текст пьесы. Казахский вариант Ауэзов дополнил впоследствии самостоятельно и ввел новых персонажей, например Айгерим. Этот текст и стал каноническим.

В творческом сотрудничестве Ауэзова с Соболевым осуществлялось взаимодействие двух национальных культур, двух зрелых, крупных индивидуальностей, двух различных традиций, двух принципов образного мышления, двух языков. В драме соединились эпический образ героя и углубленная психологическая разработка характера. В работе над пьесой уже закладывались идейно-эсте-

в раооте над пьесои уже закладывались идеино-эстетические основы будущего романа об Абае.
Первые ее публикации в отрывках появились в 1940 году почти одновременно: 5 января— на казахском языке в газете «Қазақ әдебиеті» («Казахская литература«), 10 февраля— на русском в «Литературной газете». Полностью на русском языке пьеса впервые была опубликована в 1941 году в книге «Сборник современной казахской литературы» [Сборник... 1941]. На казахском текст впервые вышел отдельным изданием в 1950-м.

В 1959 году после завершения романа-эпопеи «Путь Абая» Ауэзов создал новую редакцию пьесы на казахском языке. В 1962-м она была поставлена на сцене Казахского государственного академического театра драмы. С тех пор она существует в двух равноправных творческих вариантах — русском и казахском, которые во многом различаются.

Основной драматургический конфликт, развитие характеров и событий, ведущие эпизоды сходны в обоих вариантах. Но Ауэзов, перерабатывая трагедию, сближал ее с романом-эпопеей, соответственно изменяя ситуации, мотивировку событий и действий персонажей, придавал им известную общность и сходную трактовку. Он стремился снять все разночтения трагедии и последней книги эпопеи, сделать единым круг действующих лиц и течение событий. Постановка трагедии «Абай» явилась крупным собы-

тием в истории казахского драматического театра. В спек-

такле показан последний период жизни Абая, где он борется с родовыми противоречиями и отжившим общественным укладом того периода, отстаивая права двух молодых людей Айдара и Ажар на их искренние чувства друг к другу.

В 1930-е годы Ауэзов и Соболев начали совместно готовить к печати на русском языке сборник образцов казахской поэзии «Песни казахских степей». Книга вышла в Москве в 1940 году с их вступительной статьей «Эпос и фольклор казахского народа». После войны началась работа Ауэзова и Соболева над переводом на русский язык второй и третьей книг романа-эпопеи «Путь Абая».

В рукописном фонде Научно-культурного центра «Дом Ауэзова» хранится переписка Соболева с казахским писателем, показывающая их совместную работу над переводом. Ауэзов оказывал ему большую помощь, объясняя многие выражения, неточно переданные в подстрочнике. Во многих случаях автор сам делал подстрочный перевод, что также несколько упрощало задачу переводчика. Однако работа Соболева над переводом романа-эпо-

Однако работа Соболева над переводом романа-эпопеи «Путь Абая» на русский язык началась еще в 1937 году, когда он перевел небольшой его фрагмент «Как запела Татьяна в степи». В том же году перевод был опубликован в журнале «Литературный Казахстан» [Ауэзов 1937].

Соболев в то время состоял в переписке с Ауэзовым, который помогал переводчику советами и отвечал на все вопросы в связи с текстом. Характер этой работы запечатлен в обнаруженном нами письме Соболева к Ауэзову от 5 июля 1937 года. Помимо переводческих проблем в письме говорится о произведениях Ауэзова и других казахских писателей, которые Соболев готовил для выходящей в Москве «Антологии казахской литературы» (изд. «Художественная литература»).

Дорогому Мухтару привет!

Посылаю тебе сделанный мною перевод с твоего подстрочника. Посмотри его и пришли свои замечания. В частности, обрати внимание на отмеченные места. Так ли я их понял и сделал?

Стр. 8 — Благословен народ... Подстрочник: «Какой был бы неоценимый дар, когда б имел народ и родину, просветленные знанием? Когда б они имели сооруженный из стали свой клад просветленных поколений?» — Кто имел? Абай? Народ? Я понял это как тоску Абая по национальной культуре. Разъясни.

Стр. 6 — верно ли дал остроту Абая?

Стр. 7 — верна ли краска размышлений Абая?

Стр. 9 -то же.

Стр. 13— не нужно ли яснее расшифровать Ак-бала? Так ли переданы слова Абая о Татьяне? И верно ли примечание о байге и жыре?

Стр. 19 — так ли анекдот Абая о Ташкенте?

40 — очень трудно передать перестрелку острот Кокпая и Мухамеджана. Непонятно в подлиннике: «Молчи, брат, в ауле благоденствие, порядок, добро» (?).

Как верно: Кокпай или Кукпай? И как тогда уважительное: Коке? Я придерживался твоей транскрипции — Кокпай. Мукашев пишет: Кукпай и Коке.

Ответь, исправлю в наборе.

Теперь о другом. Сижу сейчас над твоей пьесой. Очень трудно, в особенности остроты Корпебая. Как передать прозвища, которые он всем дает? С примечаниями — скучно, переводить «Мягкий Черный» — глуповато...

Скажи, пожалуйста, — они говорят частью по-русски, например с Марьей Ивановной?

Каков характер Гайниш? Кокетка, любящая покрутить? Что такое Шек-Сободек? (стр. 53)

Багистан или багстан?

Когда сделаю, вышлю тебе для проверки. Но очень трудно.

О «Жамиля» 5 . Рассказ хороший. Но беда в том, что в антологии, как нарочно, подобралось: все одна и та же тема. Женщина в прошлом. Суди сам: Айша Сакена, Ночная бабочка — Давлетбаева, Шуга Майлина, «В пучине» Мусрепова и Жамиля — все это на одну тему.

 $^{^5}$ «Жамиля» — первое название известного рассказа Ауэзова «Женитьба». — Д. К.

Кроме того, антология распухает с 40 листов плана до 45. Надо что-то придумывать. Мне кажется справедливым «Жамиля» не включать. Ты представлен двумя хорошими вещами — Абаем и пьесой, проза, перечисленная в одной тематике с «Жамиля», — по одной вещи каждого автора, и запомнить их теперь, когда перевод сделан, — трудно.

Сообщи, очень ли будет тебе обидно, если «Жамиля» мы не дадим? Напиши откровенно. Если считаешь, что мое решение неверно, я что-нибудь придумаю. Мне и самому жалко, да выхода нет.

Приходится сокращать многое. Жансугуровскую «Красную Зарю» я целую неделю доводил с 3 листов до 1, — осторожно, мучаясь за себя и за него. Посылаю ему, — пусть проверит, так ли сделал.

Работы с антологией — уйма. С моей стороны — я готов сдавать в работу к 1 августа, осталась только твоя пьеса. Но вы, друзья! — вы задерживаете!!!!

Пройди в Союз, объясни, что есть строки, планы и так далее. Что до сих пор я не имею Биржан-сала (500 строк) и что в переводе Никольской я не очень уверен. Бекета ее и Шернияза я принял, а Таскын пришлось дать переводить заново, сделано слабо, расплывчато и как-то любительски. Не знаю, как она справится с Биржан-сал, а ведь это 500 строк! Если окажется слабо — кто успеет перевести?..

Теперь о частностях. Получил ли ты тыняновского Пушкина и если получил, почему же ты такой свинтус и даже не сообщаешь мне, пришла ли книга, которую я для тебя вырвал у Тынянова?

Почему ты вообще не пишешь мне? Что я не пишу — понятно, твои же вещи денно и нощно перевожу, а ты?

Новости: я получил в Москве квартиру, буду проводить теперь больше времени в Москве, чем здесь, — там буду писать, а здесь — работать над редактурой и прочими отходами творчества. Адрес ее: Тверской бульвар 25, кв. 17 (Дом Герцена, где Литфонд), тел. — 1-75-54. Но пиши мне пока сюда, так как там еще идет ремонт и окончательно я там устроюсь не раньше сентября. Числа 5—6 августа поеду в Москву красить квартиру и сдавать антологию.

Есть к тебе огромная просьба, Мухтарушка: на зиму я остаюсь голый, — моя знаменитая доха лезет так, что привлека-

ет внимание милиции. Всю зиму и лето я искал здесь себе доху: либо лезут, как мои (олень), либо хороши, но малы. Ты в дохах понимаешь: купи мне или лучше закажи доху. Условия: хороший, легкий и прочный мех (барсук, суслик — что хочешь, полагаюсь на твой вкус) и огромный размер — на меня. Только не очень тяжелую! И к ней шапку — круглую.

Наведи, Мухтарушка, справки, пользуясь родовыми связями, и сообщи, сколько надо переслать на нее денег. Я так привык к своей облезлой сволочи, что зиму прямо страдал: шубы носить не могу — тяжело и тесно, а в моей дохе появляться на улицах значило вызывать проклятье окружающих, косые взгляды шоферов. Она отрезала мне возможность ездить в метро и в трамваях и вызвала крупные чаевые шоферам — в компенсацию за чистку машины. С ней можно было бы написать трагедию.

Сделай это, пожалуйста, и я включу тебя в свои молитвы. Передай мой искренний привет Валентине Николаевне, Лелюсе и Мугаш. Ольга Ивановна шлет привет, Абай ей очень понравился, особенно первые страницы об Ак-шоке.

Отвечай скорее по поводу перевода и жди статью.

Целую тебя дружески и крепко. Настроение мое неважное — подумай, какая чертова неразбериха шла все время кругом, как переоценивались ценности и в каких дураках мы, оказывается, ходили, не видя ничего под носом.

Твой Леонид Соболев [*Рукописный*... П. 600]

Сначала для перевода своего романа об Абае на русский язык Ауэзов привлек Анну Борисовну Никольскую. Но после ее перевода с подстрочника, составленного Н. Нуртазиным, Ауэзов был не совсем удовлетворен качеством русского варианта.

Поэтому казахский писатель приходит к решению привлечь для качественного улучшения перевода своего давнего знакомого и соавтора по прежней работе над пьесой об Абае — известного русского писателя Леонида Сергеевича Соболева.

Делясь своими воспоминаниями о совместной работе с Ауэзовым, Соболев дает выразительную характеристику личности казахского писателя:

При всей его удивительной образованности, эрудиции... он был человеком необычайно деликатным и чрезвычайно интересным в творчестве. Бывало, во время работы, что подстрочник <...> не всегда был удачно сделан, я его не очень понимал, что там было, что хотел сказать Мухтар... Мухтар очень часто приезжал в Москву, и я его просил эти страницы рассказать мне заново.

И он как бы преображался, он удивительным своим своеобразным русским языком переводил казахские образы; и оставалось это только ловить, для того, чтобы запечатлеть... на русском языке. И я думаю, что эти вот совместные страницы, которые мы делали, являются лучшими в русском переводе романа⁶.

Вот как сам Ауэзов оценивает работу Соболева по переводу романа-эпопеи «Путь Абая»:

...очень большие трудности были у Л. Соболева в передаче этих особенностей. Масса реалий есть, особенно кочевого быта, которые трудно передать. Что помогло завершить творчески большую, дружную работу мою с Соболевым? Эту практику надо довести до сведения других переводчиков.

Он исследовательски вооружен, знает Абая и его творения, знает историю казахской культуры и литературы. Это общеисторическая, культурная вооруженность переводчика — самое главное условие, а так вообще в прозе не должно быть особых затруднений в точной передаче стиля. Надо выразить пожелание, чтобы нас не улучшали, а точно переводили [Ауэзов 1967].

Письма Соболева интересны тем, что позволяют составить представление о большой творческой работе, которую русский и казахский писатели вели совместно в процессе перевода эпопеи «Путь Абая» на русский язык.

 $^{^{6}}$ Запись по фонограмме документального фильма «Мухтар-ага» («Казахфильм», 1967).

Литература

Aуэзов М. О. Как запела Татьяна в степи / Перевод с каз. Л. Соболева // Литературный Казахстан. 1937. № 6. С. 61—80.

 $Aуэзов \ M$. Из неопубликованного // Казахстанская правда. 1967. 16 апреля. С. 10.

Постановление управления по делам искусств КазССР. 18.10.1940 // ЦГА РК (Центральный Государственный архив Республики Казахстан). Ф. 1242. Оп. 1. Д. 638.

Рождественский Вс. Дружеские встречи // М. О. Ауэзов в воспоминаниях современников / Сост., вступ. ст. Л. Ауэзовой. Алматы: Жазушы, 1972. С. 28—33.

Рукописный фонд НКЦ «Дом Ауэзова» (г. Алматы, Казахстан). П. 504, 600.

Сборник современной казахской литературы / Под ред. А. Дроздова, М. Зенкевича, А. Тажибаева. М.: ОГИЗ: Гослитиздат, 1941.

Соболев Л. С. Духовный брат Абая // М. О. Ауэзов в воспоминаниях современников. 1972. С. 19—22.

References

Auezov, M. (1937). Once Tatiana began singing in the steppe. *Literaturniy Kazakhstan*, 6, pp. 61-80. (In Russ.)

Auezov, M. (1967). From the unpublished. *Kazakhstanskaya Pravda*, 16 Apr., p. 10. (In Russ.)

Drozdov, A., Zenkevich, M. and Tazhibaev, A., eds. (1941). *A collection of modern Kazakh literature*. Moscow: OGIZ: Goslitizdat. (In Russ.)

Handwritten fond of the Academic and Cultural Centre 'The House of M. Auezov'. Almaty, Kazakhstan. Folders 504, 600. (In Russ.)

Resolution of the Kazakh SSR Committee for Art Affairs, 18 Oct. (1940). [resolution] Central State Archive of the Republic of Kazakhstan, Fond 1242, inv. 1, file 638. Almaty, Kazakhstan. (In Russ.)

Rozhdestvensky, V. (1972). Friendly gatherings. In: L. Auezova, ed., *Reminiscences of Mukhtar Auezov by his contemporaries*. Almaty: Zhazushy, pp. 28-33. (In Russ.)

Sobolev, L. (1972). Abay's spiritual brother. In: L. Auezova, ed., *Reminiscences of Mukhtar Auezov by his contemporaries*. Almaty: Zhazushy, pp. 19-22. (In Russ.)

On translation of the epic novel The Path of Abay [Put' Abaya] into Russian

From the correspondence between M. Auezov and L. Sobolev

DOI: 10.31425/0042-8795-2018-4-319-335

Diar Askarovich Kunaev

Candidate of Philology

Research and Cultural Centre 'Auezov House' at the M. O. Auezov Institute of Literature and Art

(29 Kurmangazy St., Almaty, A10C5D8, Republic of Kazakhstan; email: domauezov@mail.ru)

Abstract: The article reveals little-known facts from the lives of M. Auezov and L. Sobolev, two important writers of Kazakhstan and Russia, respectively, and cites their reflections on life, literature, and time. A large share of the archived material from the manuscripts department of the Almaty-based Research and Cultural Centre 'Auezov House' is examined and published for the first time.

L. Sobolev's letters speak of an artist's fate: we become witnesses of his very personal anxieties as well as events on a national scale. The letters also provide a valuable insight into the Russo-Kazakh literary connections from the early 1930s. M. Auezov epistles focus on the problems of interconnectedness and interaction of national literatures, particularly in terms of the artistic appropriation of Russian literary experiences by Kazakh writers. Another point of interest is the two writers' exchanges about the artistic translation of M. Auezov's major opus, the epic novel *The Path of Abay* [*Put' Abaya*], into Russian.

Keywords: M. Auezov, L. Sobolev, V. Rozhdestvensky, P. Luknitsky, *The Path of Abay* [*Put' Abaya*], artistic translation, biography, epistolary legacy.

The article was received on 6 Oct. 2017.